

1 ЦАРСТВ

Урок 21 - Глава 14.

Поскольку сегодня мы продолжим чтение 14-й главы 1-й книги Царств, мы перечитаем большую часть этой главы через несколько минут, поскольку она длинная и запутанная, и мы даже не закончим разбирать эту главу сегодня.

Разворачивающаяся перед нами сцена - это первая война царя Саула с филистимлянами, но также мы видим непростые отношения Саула со своим сыном Ионафаном и то, как они будут развиваться в течение нескольких лет, особенно по мере того, как юный Давид становится Божьим **нагид**, принцем, наследником престола **Шауля**.

В Галгале Саул был принят Израилем как их первый царь, и сама причина, по которой народ изначально хотел царя, быстро стала его основным призванием. Саул немедленно возглавил оборону Израиля от врага с востока, народа Аммона, и теперь, в главе 14, он поведёт колена против старого и грозного врага с запада, филистимлян.

Филистимляне основали ряд фортов и лагерей в Ханаане, главным образом в центральной горной местности, называемой горами Ефрема. Одним из таких мест был родной город Саула, Гива на территории его колена Вениамина, а другой аванпост был создан в более отдалённом месте под названием Михмас. Важный стратегический перевал из долины реки Иордан к побережью Средиземного моря является центром битвы, описанной в главе 14. Михмас находился на северной стороне этого перевала (который, по сути, представлял собой ущелье, образованное вади, высохшим руслом реки), в то время как на противоположной стороне находилась контролируемая Израилем Гева.

Саул повёл свои 600 человек из Галгала в Геву, когда начинается рассказ, и мы находим Саула бездельничающим возле гранатового дерева, которое он сделал своим полевым штабом. Я говорю «бездельничать», потому что очевидно, что Саул был не совсем уверен в том, что он планировал делать, и поэтому мы скоро увидим, как его сын Ионафан проявит инициативу, чтобы положить конец нерешительности своего отца и вместо этого вступить в конфронтацию с врагом. Это не первый раз, когда Ионафану надоело ждать, когда его отец, царь, что-то сделает, а не просто скажет об этом. Когда Саул, казалось, не смог вызвать достаточного энтузиазма, чтобы заставить израильтян присоединиться к нему, чтобы противостоять филистимской угрозе, Ионафан решил проблему, убив филистимского губернатора, который находился в Геве. Этот акт возымел желаемый эффект, настолько возмущив филистимское руководство, что они усилили своё притеснение Израиля до такого уровня, что даже самые инертные израильские лидеры кланов и колен

не смогли найти оправдания, чтобы дальше терпеть это, их личная свобода теперь была под угрозой исчезновения.

Складывается нелестный образ Саула, и, к сожалению, я должен сказать, что он очень похож на образ современного политика. Он говорил о хорошей игре, но не стал бы действовать, если бы не было достаточной личной выгоды, которая в то же время сводила бы к минимуму любой личный риск. Он претендовал на роль лидера Израиля, но обычно просто наблюдал за тем, куда направлялся парад, а затем подхватывал эстафетную палочку и выходил вперёд, чтобы получить должное. Его мужество измерялось прежде всего уровнем поддержки со стороны тех, кто соглашался с ним, он быстро остывал, если чувствовал, что сопротивление слишком велико. И хотя иногда он приказывал людям скрупулёзно соблюдать закон Моисея или нести ответственность за последствия, он также быстро и свободно нарушал заповеди Иеговы и считал, что в целом он выше закона. Внешняя напыщенность и бравада Саула маскировали внутреннюю неуверенность, робость и отсутствие характера. Всего, что Бог требовал от царя, Саул не мог выполнить. Но, конечно, Господь знал это, потому что это было основной причиной, по которой Он выбрал Саула. Саул отражал стереотип не только современных ему политиков, но и ближневосточных царей и мелких властителей той эпохи. Царь **Шауль** был именно тем, кого эти племенные лидеры Израиля имели в виду как модель монархии, которая, как они были уверены, была ответом на все их проблемы.

Ионафан знает, что его отец ничего не сделает, пока его не вынудят, и поэтому просто не мог больше мириться с этим удручающим бездействием перед лицом филистимлян, высокомерно создающих ещё один форпост на земле Израиля. Не посоветовавшись со своим отцом, храбрый Ионафан взял с собой своего оруженосца и вызвал филистимлян на битву.

Давайте перечитаем эту главу со стиха 8.

ПЕРЕЧИТАЙТЕ 14 ГЛАВУ 1-й книги ЦАРСТВ с 8 стиха до конца главы.

Когда мы читаем о вере и уверенности Ионафана в том, что если Господь хочет избавления Израиля, то не имеет значения, будет ли это достигнуто с помощью 2 или 2000 человек, нам вспоминается встреча Давида с Голиафом. Цифры не имеют значения. Идея была такова: Ионафан и его слуга (называемый здесь оруженосцем) увидят, как филистимляне отреагируют на их провокацию. Если филистимские солдаты скажут: «Оставайтесь там, пока мы не спустимся к вам», тогда так они и поступят. Если они скажут: «поднимитесь к нам», то это будет знамением от Бога, что Он предал врага им в руки.

Теперь я должен сказать вам, что если бы мы были там, в то время, я не уверен, что многие из нас расценили бы план Ионафана как сильную веру, а не как

попытку самоубийства или дерзкую попытку испытать Бога двумя молодыми мужчинами, страдающими от избытка тестостерона. Моя натура такова, что я не только не принял бы подход Ионафана, но и, если бы я был этим оруженосцем, я бы попросил о немедленном увольнении. Но здесь как бы скрыт урок для всех нас о том, как Господь использует тех, кто населяет Его Царство и доверяет Ему во всём. Во многих отношениях Ионафан был точь-в-точь как его отец, Саул: порывистый, немного хвастливый, вспыльчивый и опрометчивый. Однако разница в том, что Ионафан был так же бескорыстен, как Саул был эгоистичен, и настолько же благороден, насколько Саул был низок. Так же Ионафан был непреклонен в своей вере в Божью силу, мудрость и способность избавлять, в то время как Саул был полон решимости манипулировать Господом в своих собственных целях и ничем не рисковать.

Мы видим, как два человека с практически одинаковым темпераментом и индивидуальностью могут быть настолько противоположными по своей природе. Господь использовал Саула, чтобы показать нам каким НЕ должен быть лидер в Царстве Божьем, Ионафан был демонстрацией того, что может произойти, когда человек сосредотачивается на Боге, а не на своих обстоятельствах. Царём Саулом руководили его собственные похоти, вожделения и внутренние демоны. Ионафан был водим Святым Духом. И, несмотря на глубокие недостатки и неприятные черты характера, которые характеризовали их обоих, их судьбы были разделены как день и ночь из-за единого всеобъемлющего личного выбора, который каждый сделал в какой-то момент своей жизни: будут ли они повиноваться Господу любой ценой или нет.

Ионафан и его безымянный слуга договорились об этой смелой стратегии: выйти на открытое место и заявить о своём присутствии. Можно только представить себе удивление этих филистимских солдат, когда эти два одиноких еврея стояли там и кричали на них. Поражённые солдаты были размещены на мысе, откуда они могли видеть на пару километров во всех направлениях, и было очевидно, что эти два глупца были либо пьяны, либо глупы (а возможно, и то, и другое сразу), потому что других израильтян в поле зрения не было. Не совсем уверенные в том, что делать с этими двумя, они не собирались спускаться со своего довольно безопасного места с видом на высохшее русло реки, поэтому в типичной ближневосточной манере они начали кричать в ответ, хвастаться и призывать их подняться. Я не сомневаюсь, что после нескольких минут оскорблений израильтян, к которым они так плохо относились, они решили, что повеселились, всё было кончено, и они расслабились.

Но слова этих филистимлян были сигналом, на который надеялся Ионафан. Он был настолько твёрдо убежден, что Господь на его стороне и что помазание,

которое он почувствовал, предприняв эту вылазку, имело божественное происхождение, что он и его оруженосец украдкой поползли вверх по северному склону ущелья в очень крутой части, где филистимские солдаты не ожидали их появления. Когда они добрались до вершины, оказалось, что это чрезвычайно узкий участок, который Библия описывает как длину довольно стандартной борозды, которую упряжка волов пропахала бы за день, но шириной всего в половину. Это означало, что они находились практически в длинном узком туннеле, вероятно, только 1 филистимский солдат одновременно мог сражаться против Ионафана. Таким образом, Ионафан выводил из строя солдата и переходил к следующему, в то время как его оруженосец добивал их по очереди. Поймите, когда Ионафан вынашивал этот наглый заговор, он понятия не имел, что местность будет настолько благоприятной, что команда из двух человек сможет эффективно отбиваться от гораздо большего количества вражеских солдат. Мало того, что его вера оказалась полностью обоснованной, так и, как это случается с большинством поклонников Бога, один успешный шаг веры вёл к следующему (и более смелому) шагу.

Около 20 вражеских солдат были убиты в бою, а крики, визг и суматоха разбудили остальных в лагере, и они были уверены, что на них напали. Не имея ни малейшего представления о том, что нападение было всего лишь вылазкой двух евреев, значительный гарнизон филистимских солдат впал в панику. В довершение всего произошло землетрясение (чтобы подчеркнуть, что Господь повсюду в этой операции).

Поскольку лагерь **Шауля** находился всего в паре километров или около того от ущелья, и поскольку некоторые израильские дозорные были расставлены на аванпостах, чтобы шпионить за филистимлянами в Михмесе, они заметили всю эту неразбериху, увидели, что враг суетится и дезориентирован, и сообщили об этом Саулу. Причиной активности в стане врага могла быть только одна: кто-то из его войск был там, самовольно, и разбудил филистимлян. Царь Саул немедленно приказал провести переключку, и, конечно же, обнаружил, что Ионафан и его оруженосец пропали без вести. Саул, зная своего сына, нисколько не сомневался в том, что он предпринял такое отчаянное предприятие самостоятельно, без разрешения. Когда тайна разрешилась, вечно нерешительный Саул позвал своего первосвященника Ахию и велел ему принести ковчег Божий. Мы не можем точно знать, где именно находился ковчег в это время, однако последнее, что мы слышали о нём, - это то, что он долгое время находился в Кириаф-Иариме, в доме священника. Однако, весьма вероятно, что в настоящее время он путешествовал с Саулом, ведь даже сдержанный **Шауль** не стал бы ждать несколько дней, чтобы справиться с этой чрезвычайной ситуацией. Обычно

ковчег переносили на место битвы, поэтому трудно представить, что Саул позволил бы ему остаться в Кириаф-Иариме.

Одним глазом поглядывая на лагерь филистимлян, который бурлил и рассеивался, и всё же инстинктивно желая посоветоваться с Богом по этому вопросу, прежде чем он начнёт действовать, Саул решил, что не может ждать, теряет терпение, и поэтому, несмотря на то, что первосвященник находится в процессе поиска милости Господа, Саул прерывает его и говорит ему: **«сложи руки твои»**. Что происходит? Первосвященник должен был использовать урим и туммим, чтобы получить божественные ответы на вопросы Саула о том, что делать. Два камня хранились в специальном кармане ефода первосвященника, и его рука опускалась внутрь кармана, чтобы вынуть, а затем положить камни обратно в качестве средства дознания. Как всегда, Саул загорелся идеей обратиться к Господу по вопросам, в которых у него не было уверенности в своих собственных решениях, но времени опять не было, и он просто преждевременно остановил процесс консультации первосвященника с Господом.

Царь Саул быстро собирает свои войска, и они спешат в лагерь филистимлян, чтобы воспользоваться хаотичной ситуацией. Когда он прибывает, то обнаруживает, что в разгар неразберихи филистимляне сражаются и убивают друг друга. Отчасти причина, по которой это происходило, заключалась в том, что некоторые члены израильского клана, которые заключили свои собственные сделки с филистимлянами и поэтому мирно расположились с ними лагерем, теперь набросились на своих новых приятелей и начали убивать их. Филистимляне не знали, кто был врагом, а кто другом. Также многие из евреев, которые скрывались, увидели возможность уничтожить филистимлян и поэтому присоединились к Саулу и его 600 воинам, преследовали и убили многих из убежавших врагов. Благодаря мужеству Ионафана повиноваться Господу и идти вперёд с верой, подвергаясь большому личному риску, это был разгром, и эта область на некоторое время была очищена от филистимской угрозы.

Эти сражения в старину были долгими, когда солдаты вступали в бой, это обычно продолжалось до захода солнца, и никто (с обеих сторон) не мог видеть достаточно хорошо, чтобы продолжать. Выносливость была так же важна, как и способности. В конце концов обе стороны были измотаны, измучены жаждой и голодом до полного изнеможения. Уровень сахара в крови был критически низким, начиналось обезвоживание, и было вполне обычным делом, когда воины падали в обморок и погибали, лёжа на земле, не раненые, а просто без сознания. Но Саул, у которого, несомненно, было множество слуг, которые не только защищали его, но и снабжали едой, питьём, и давали время

для отдыха, приказал своим усталым людям продолжать преследование филистимлян, пока он не убедится, что победа была полной.

Саул поддался ещё одному из своих характерных порывов. Хотя больше всего его армия сейчас нуждалась в еде, воде и небольшом отдыхе, он не только приказал им продолжать без еды и воды, но и заставил их дать торжественную клятву (обет перед Господом) даже не пробовать пищу, пока Саул не разрешит это. Или, как выразился суперэгоистичный царь, они не должны были есть снова, **«доколе я не отомщу врагам моим»**. Не врагам Израиля. Не врагам Бога (в конце концов, это была священная война), а **МОИМ** врагам.

Всего за пару лет пребывания на троне Саул быстро стал деспотом. Его люди были пушечным мясом, и все войны велись из-за его личной гордости и статуса среди наций. Хотя трудно понять какой-либо религиозный мотив Саула, заставивший мужчин дать эту клятву не есть, без сомнения, в сознании Саула религия сыграла определённую роль. Весьма вероятно, он думал, что это был благочестивый поступок с его стороны, который произведёт впечатление на Бога и заслужит Его благосклонность. Какой бы глупой, опрометчивой и разрушительной ни была такая клятва, решимость Ближнего Востока такова, что даже если бы Саул пришёл в себя, он не смог бы взять её обратно, не потеряв лица и не взвалив грех отказа от клятвы на свои плечи.

Люди, с другой стороны, отчётливо понимали, что, несмотря на то, что их в некотором смысле вынудили к этому, они сказали «аминь» клятве, и теперь они были связаны. Это был серьёзный вопрос, Саул провозгласил клятву, к которой было приложено божественное проклятие, и это означало, что, несмотря на иррациональный и необоснованный характер клятвы, она была абсолютно действительной во всех деталях и терминах в глазах Господа. Божественный принцип, восходящий к книгам Исход, Левит и книге Судей, учит нас, что Господь не требует от Своего народа клятв в знак их благочестия. В Новом Завете **Йешуа** советует воздерживаться от обетов и присяг не потому, что они были традицией, или суеверием, или больше не действовали, а потому, что они оставались такими же могущественными и действенными, как и в древние времена. Однако, если кто-то решит дать личный обет или присоединиться к групповому обету, то он обязан выполнить его до конца, иначе связанное с ним проклятие падёт на его голову.

Эти еврейские солдаты испытывали такой благоговейный трепет перед Господом, что рисковали своими жизнями на поле боя, продолжая сражаться в ослабленном состоянии, чтобы подчиниться клятве, а не рисковать вызвать враждебность Иеговы. Интересно, остаётся ли такой страх и благоговейный трепет в нас, в церкви? Так и должно быть, но, к сожалению, ошибочная христианская доктрина, возникшая некоторое время назад в эпоху ранней Римской церкви, поставила под угрозу миллионы верующих, заявив, что вера

в Мессию означает конец нашему обязательству быть послушными Богу. И поскольку больше нет необходимости в послушании, любое нарушение заповедей Господа, как правило, несущественно. **Йешуа** ясно дал понять, что подобные вещи явно абсурдны, и предупредил, что для поклоняющегося Иегове гораздо безопаснее просто ответить «да» или «нет» и ни к чему не добавлять клятву или обет, поскольку Господь ожидает, что мы сделаем всё, о чём мы поклялись. Потому что клятва, по своей сути, присоединяет имя Бога к нашему обещанию, и это ставит под угрозу Его святое Имя и репутацию, если Он просто закроет на это глаза.

В стихе 25 объясняется, что армия Саула вошла в лесистую местность, где было много больших колоний пчёл, и повсюду было много сот. Мёд (**дева́ш** на иврите) ценился не только за его чудесный вкус, но и за его способность оживлять человека, который был в голодном или ослабленном состоянии, быстро повышая уровень сахара в крови. Но как бы ужасно они в этом ни нуждались и каким бы чудесным ни был дар небес, данный Отцом, обет Саула запрещал людям принимать пищу, и поэтому они, будучи дисциплинированными, проходили мимо и даже не пробовали его. Однако Ионафан не слышал об опрометчивом приказе своего отца и поэтому воспользовался случайной находкой.

Один из солдат увидел, что сделал Ионафан, и рассказал ему о клятве отказа от пищи солдатами, которую потребовал его отец, и это привело Ионафана в ярость. Точно так же, как Саул хорошо знал о неукротимом духе своего сына и сильной вере в Иегову, так и Ионафан хорошо понимал склонность своего отца отдавать импульсивно предосудительные приказы и непродуманные команды. Ионафан публично осуждает нелепое требование своего отца и говорит, что Саул принёс беду в страну. Что на самом деле эта клятва приведёт к тому, что израильтяне одержат гораздо меньшую победу над филистимлянами, чем они могли бы одержать, если бы им позволили поесть и восстановить свои силы.

Одно замечание: в то время как солдаты были обязаны соблюдать эту клятву и пострадали бы от руки Бога, если бы нарушили её, Ионафан был в другом положении. Он не слышал о клятве и, следовательно, не давал согласия исполнить её. Господь предусмотрительно занял Ионафана делами в другом месте, и поэтому клятва никак на него не повлияла.

В стихе 31 мы видим ключевые слова: **«в тот день»**. В тот день люди продолжали сражаться голодными не переставая, и поэтому, когда наступил закат, они начали есть захваченных домашних животных. В стихе 24 говорится, что клятва была такой: **«кто вкусит хлеба ДО ВЕЧЕРА...»** Это означает тот же день, когда была принесена присяга. Итак, срок исполнения клятвы закончился на закате, когда закончился текущий день и начался новый.

Автор 1-й книги Царств объясняет, что они были так голодны, что зарезали животных на земле и разделали их, пока они лежали в лужах собственной крови, а затем съели их. Проблема НЕ в том, что они ели животных сырыми (они этого не делали), а в том, что они должным образом не слили кровь с мяса перед приготовлением и, таким образом, нарушили заповедь воздерживаться от употребления крови.

Левит 17:10: «Если кто из дома Израилева и из пришельцев, которые живут между вами, будет есть какую-нибудь кровь, то обращу лице Моё на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю её из народа её».

Употребление крови в пищу означает не только буквально пить кровь, или сливать и хранить кровь, а также готовить из неё какую-то пищу. Это также означает, что перед приготовлением мясо должно быть надлежащим образом очищено от крови. На самом деле в древние времена (особенно в эпоху 2-го храма) для этой цели использовалось огромное количество соли, поскольку соль хорошо впитывает жидкость. Соль, загрязнённая кровью, затем выбрасывалась на дороги и тропинки, поскольку она отравляла землю и убивала растительность, тем самым предотвращая зарастание дорожек. В этом хорошо известном тексте из Нового Завета нам приводится пример того, что происходит с отработанной солью:

Матфея 5:13: «Вы - соль для Страны. Но если соль станет безвкусной, как можно вновь сделать её солёной? Она уже ни на что не годна, остаётся лишь выбросить её вон под ноги людям».

Упоминание о том, что соль выбрасывается для того, чтобы люди топтали её, было вполне буквальным и обычным повседневным явлением, которое служило полезной цели для сети дорог. Когда Саул узнал о том, что его армия не сливает кровь должным образом, он приказал принести ему большой камень, а затем каждый человек должен был зарезать своё животное на камне, чтобы Саул мог наблюдать за этим. При забое животного на плоском камне кровь вытекала из мяса на край камня и капала на землю; это был стандартный способ откачки крови из животного в достаточной степени, чтобы оно считалось ритуально чистым (по крайней мере, в ту эпоху). Люди понимали греховность того, что они делали, так же хорошо, как и Саул, но они были так голодны из-за опрометчивого указа своего царя, что приняли последствия греха как цену, которую они были готовы заплатить, чтобы поскорее поесть.

Какой прекрасный урок может извлечь из этого любой лидер: от родителя до владельца малого бизнеса, генерального директора, государственного чиновника, пастора или раввина. Когда мы предъявляем безжалостные, необоснованные, безразличные требования к тем, кто находится под нашим руководством, и они терпят неудачу, мы, как лидеры, по меньшей мере в той

же степени виноваты, потому что мы поставили их в положение, когда неудача была почти неизбежна. Родители могут быть слишком строгими, начальники - слишком требовательными, а лидеры общин - слишком жёсткими и скорыми, чтобы навязывать своим людям самодовольные и обременительные доктрины, которые выходят далеко за рамки их библейского намерения. Раввины стали печально известны из-за этого в виде тысяч часто обременительных (если не глупых) традиций. **Йешуа** выступил против этих суровых доктрин, традиций и созданных человеком указов и предложил вернуться к истинному замыслу Торы.

Евангелие от Матфея 11:28-29: **«Приходите ко мне все, кто трудится из всех сил и несёт непосильную ношу, и я дам вам отдых. Примите на себя моё иго и учитесь у меня, потому что я кроток и смирен сердцем, и найдёте отдых своим душам».**

Саул не был неправ, остановив свою армию от употребления крови, он был неправ в том, что именно его собственный жестокий поступок в первую очередь стал причиной этого греха. Таким образом, с точки зрения Бога, это употребление крови было в такой же степени на его совести, как и на их.

В стихе 36, после того как люди подкрепились едой и немного отдохнули, когда Саул размышлял о событиях того дня, он не мог не вспомнить историю Иисуса Навина и его ночного преследования врагов Израиля несколькими столетиями ранее. Его предложение о том, чтобы армия отложила сон в ту ночь и отправилась за бегущими остатками филистимлян, было охотно принято рядовыми.

Священники (правильно) возразили, сказав, что они должны посоветоваться с Богом «здесь». «Здесь», несомненно, относится к алтарю, который Саул построил там, где они сейчас отдыхали. Саул, естественно, согласился и задал Богу два вопроса через первосвященника: 1) Должен ли он преследовать филистимлян той ночью и 2) победит ли армия Саула? Но Господь молчал и ничего не ответил.

Мы снова являемся свидетелями использования первосвященником священных камней урим и туммим. Считается, что камни, по сути, могли дать ответ только в форме «да или нет». Когда священник опускал руку в специальный карман, вшитый в его ефод, где находились камни, вытаскивание одного камня означало «да», другого – «нет». Следовательно, вопросы должны были быть сформулированы так, что ответом на них могли быть «да/нет» или «правда/ложь». Поэтому точное указание на то, что Бог не дал ответа на вопросы, предполагает спекуляции. Традиция гласит, что тот или иной камень буквально светился, указывая таким образом на Божье решение. Конечно, в рассматриваемом нами случае должно быть так, что, либо первосвященник

каким-то сверхъестественным образом осознал, что Господь скрывает Своё предсказание, либо сами камни изменялись каким-то видимым и очевидным образом, когда следовал ответ, а на этот раз их состояние осталось неизменным.

Когда ответа не последовало, единственным возможным объяснением такого божественного молчания было то, что был совершён какой-то грех, вызвавший неудовольствие Господа, и поэтому Он удалился от Израиля. Единственным решением было обнаружить грех, наказать нарушителя (используя систему Божьего правосудия), а затем совершить надлежащее искупление.

Шауль, естественно, даже не подумал взглянуть на себя, поэтому (в стихе 38) он предполагает, что один из командиров армии либо лично согрешил, либо знал о грехе в их рядах, поэтому он собирает своих офицеров, задаёт вопрос: **«на ком грех ныне?»** Саул не обязательно знал, какой конкретно грех был совершён, он имел в виду любой «грех» (каким бы он ни был), который заставил Господа отступить. Никто не выступил вперёд, чтобы признаться в каком-либо грехе, поэтому Саул использовал другой стандартный религиозный метод продвижения к истине: бросил жребий.

Мы посмотрим на результаты того, что по сути является испытанием, на следующем уроке.